

форм представлены падежи «периферийные» (т. е. названный локатив и вслед за ним датив; инструментал отсутствует).²

Характерно, что стихотворение не знает ни именных подлежащих, ни дополнений при личных формах сказуемого. Здесь нет ни внеположных деятелей, ни непосредственных объектов деятельности. Первые семь из четырнадцати существительных — с конца второй до конца четвертой строки — это номинативные приложения, аккумулятивное обстоятельство времени (*век*), винительный падеж при инфинитиве (*Дорогу*) и родительный в отрицательной безличной конструкции (*не бывало следу*).

Три черты отличают дальнейшую семерку существительных, занимающую последние три строки: 1) опосредствованная, предложная конструкция, 2) приименная функция и 3) периферийность падежа: [*дорогу*] *для... смельчаков* (1, 2); [*смельчаков*] *и в прозе и в стихах* (1, 2, 3); *в страх, в острог* (1); [*в страх*] *сердцам и истине* (2, 3). Таким образом, стихотворение насчитывает пять предлогов и предложных конструкций, сосредоточенных в трех последних строках, и пять приименных дополнений, ограниченных пятой и шестой строкой.

Чертеж опосредствованных, еще лишенных подлинной кинетики, маячащих на горизонте, зыбких, многоярусных отношений — таков спад тобольских стихов. Глаголов нет до самого последнего, мертвящего словца; имена обрастают дальнейшими, попарно выстроенными существительными (⁵*и в прозе и в стихах*, ⁶*сердцам и истине*), а также прилагательными, каковых вовсе не было в начальных четырех строках (⁵*борзых*, ⁶*чувствительным*, ⁷*Илимский*).

Пятиричные пучки однородных конструкций налагают индивидуализирующий отпечаток и на другие части стихотворения. Пять вышеотмеченных грамматических связей развертывают тему тождества в двух начальных, повторяем — ритмически нивелированных строках. Пять, согласно шахматовской классификации, «отрицательных союзов» (четыре раза *не* и один раз *но*) выступают исключительно в обоих антитетических стихах — третьем и четвертом, тогда как пять соединительных союзов (*и*), расположенных вокруг этих строк, по два во втором и пятом, а один в шестом стихе, оттеняют противительный, драматический характер промежуточного двустипшия. Наконец, местоимение *я*, четырежды повторенное в первых двух строках, в пятый раз возвращается в конце шестой строки, как бы окаймляя стихотворение и возвещая развязку. Зеркальная симметрия рифм — в первой строке *еду*, во второй односложный и в третьей многосложный сочлен мужской рифмы, а с другой стороны снова *еду* в последней строке, во второй же с конца односложный и в третьей

² Для обозначения падежных классов здесь и далее применяется терминология, предложенная в нашем московском докладе «Морфологические наблюдения над славянским склонением». (см.: American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Гаара, 1958, стр. 150—153).